

Глава 49

Чжоу Лэ не был уверен, как он добрался домой — вероятно, на машине Лу Цзинжана.

В какой-то момент Лу Цзинжань попытался завязать разговор, но Чжоу Лэ не знал, что сказать, он съежился в своей половине машины, молча и глядя вниз.

Когда Лу Цзинжань наклонился ближе, Чжоу Лэ отстранился.

После этого никто из них не произнес ни слова.

Когда они прибыли, Чжоу Лэ поспешно поблагодарил его и бросился вверх по лестнице.

Только добравшись до спальни, он осмелился сделать глубокий вдох.

Это не сон и не фантазия — это было реальностью. Он и Лу Цзинжань поцеловались.

Сцена из кинофильма прокрутилась в голове Чжоу Лэ, то, как Лу Цзинжань посмотрел на него, тепло его губ, сила его руки — все это превратило его мысли в запутанный клубок.

Что теперь? Что теперь?!

Его сердце было в хаосе; его руки и ноги чувствовали слабость. Вернувшись в машину с Лу Цзинжанем, он почувствовал, что если бы он расслабился хоть немного, то мог бы полностью рухнуть.

Все кончено.

Он был полностью уничтожен.

Чжоу Лэ сполз по двери своей спальни и оказался сидящим на полу.

—

В течение следующих нескольких дней Чжоу Лэ избегал прогулок с Лу Цзинжанем. Точно так же Лу Цзинжань не приходил к нему, как будто они разделяли молчаливое соглашение оставить тот день позади и вернуться в то время, когда они были еще чужими.

Каждый раз, когда Лу Цзинжань приходил забрать домашнее задание, сердце Чжоу Лэ замирало.

Это было чувство одновременно кислое и горькое, и он не мог его выразить словами.

Это не было неприязнью.

Нет, ему не понравилось то, что Лу Цзинжань сделал в тот день.

Но он не мог с этим смириться.

Поэтому ему оставалось только избегать его.

Линь Сяосяо и Ся Линьчуань заметили, что что-то не так. «Что происходит между тобой и старостой класса? Вы двое, кажется, не в порядке».

Каждый раз Чжоу Лэ менял тему и говорил, что это ничего не значит.

То же самое было и со стороны Лу Цзинжаня. Шэнь Цянь и Чэнь Нань перестали заикливаться на своих проблемах и пристально следили за Лу Цзинжанем, словно беспокоясь, что что-то может случиться.

Потому что, честно говоря, он их пугал.

Раньше Лу Цзинжань производил впечатление отстраненного и отчужденного человека, но он никогда не был неприступным. Теперь же он стал таким.

Независимо от того, отвечал ли Лу Цзинжань на вопросы в классе, объяснял ли он темы другим или вел классные собрания, его лицо оставалось бесстрастным, даже когда весь класс смеялся, и в его глазах не было ни намека на теплоту.

Однажды Шэнь Цянь, казалось, задумался о чем-то и спросил: «Скоро ли наступит твой период восприимчивости?»

Альфа ведет себя необычно только в период своей восприимчивости, и, судя по всему, время Лу Цзинжаня приближалось.

Но Лу Цзинжань не ответил, а просто продолжил задавать вопросы для практики, дописывая ответы в скобках.

Он не производил никаких вычислений, просто записывал, бросив быстрый взгляд.

Со стороны это была спокойная, но почти лихорадочная сосредоточенность; то, как он нажимал на перо, напоминало затишье перед бурей.

Шэнь Цянь почувствовал, что что-то не так. Должно было что-то произойти.

Альфа, приближающийся к периоду восприимчивости, вряд ли может быть рациональным, и если он продолжает сдерживать себя, то к этому нельзя относиться легкомысленно.

В средней школе был учитель Альфа, который в период восприимчивости испытал какой-то эмоциональный триггер и внезапно потерял контроль в коридоре. Он попытался отметить ученика Омегу, чем так напугал директора, что у него подкосились ноги. Даже школьная охрана не смогла его удержать, хотя и не дала ему добраться до ученика.

В конце концов, полиции пришлось приехать и ввести ему сильное подавляющее средство, чтобы усмирить его. Позже на школьном форуме появились слухи, что жена учителя-Альфы, Омега, была ему неверна во время течки, влюбилась в другого Альфу и попросила развода. Эта новость пришла как раз в тот момент, когда у учителя начался период восприимчивости. Без Омеги, которая могла бы его успокоить, и столкнувшись с внезапным предательством, он потерял контроль и едва не оказался в тюрьме, хотя в конце концов ушел в отставку.

Никогда не следует недооценивать период восприимчивости Альфы.

Шэнь Цянь, как Альфа, хорошо это понимал. Он помнил, что до того, как он признался Чэнь Наню, во время своего периода восприимчивости, у него постоянно возникало желание оттащить Чэнь Наня в сторону и навязать ему себя. Он бы это сделал, даже если бы это означало попасть в тюрьму.

Оглядываясь назад, он действительно испугался — не того, что он погубит себя, а того, что он действительно чуть не навредил Чэнь Наню. Это было бы даже хуже смерти.

«Что происходит? Поговори со мной». Шэнь Цянь налил Лу Цзинжаню стакан ликера.

Не глядя, Лу Цзинжань выпил всё одним глотком.

Шэнь Цянь замер, наблюдая за ним.

Прежде чем он успел налить еще один стакан, Лу Цзинжань взял стакан из его руки и стал наливать один стакан за другим, пока не осушил всю бутылку.

«Я потерял его».

Голос Лу Цзинжаня был хриплым.

«Он боится меня...»

«И он убежал».

«Я думал, что нравлюсь ему... Он поцеловал меня вот так, но в итоге он меня возненавидел».

«Он даже больше не хочет находиться рядом со мной».

...

Может быть, алкоголь был слишком крепким. Через некоторое время у Лу Цзинжана скрутило живот, адреналин подскочил, из-за чего он стал выглядеть еще темнее и холоднее, пытаясь контролировать свои феромоны.

Шэнь Цянь быстро усадил его в машину, готовясь отвезти домой.

—

«Что с тобой происходит в последнее время?» Дядя Чжоу удивленно посмотрел на две возвращенные поставки. «Чжоу Лэ, ты знаешь, сколько заказов ты испортил на этой неделе?»

«Клиенты сказали, что торопятся, а ты все равно неправильно доставил?! Ты никогда не был таким неряшливым — ты столько раз доставлял в этот дом, а адрес все равно указал неправильно? Где твоя голова?»

Чжоу Лэ склонил голову, извиняясь: «Мне жаль, дядя Чжоу...»

Оправдания не было. Он действительно ошибся. Его мысли были в другом месте, когда он доставлял еду, и когда он наконец позвонил клиенту, он понял, что вместо этого отправился к предыдущему клиенту. Два адреса были в совершенно противоположных направлениях, так что было слишком поздно что-либо исправлять.

Это случалось уже трижды на этой неделе, так что неудивительно, что дядя Чжоу был расстроен. Это были постоянные клиенты, люди, которые доверяли ему достаточно, чтобы размещать заказы. Некоторые из них заказывали, потому что работали допоздна и голодали, ждали так долго — этого было достаточно, чтобы разозлить кого угодно.

И это было не только по вечерам, когда он разносил еду; он совершал ошибки и в школе. Кто-то из соседнего класса попросил яйца с помидорами, но вместо этого он подал им жареный картофель. У ученика была аллергия на картофель, поэтому они даже не смогли съесть свою еду, и Чжоу Лэ пришлось покрыть расходы из своего кармана.

Такого рода вещи никогда не случались раньше, но Чжоу Лэ знал, почему. Когда он увидел Лу Цзинжана в кафетерии, он был так отвлечен, что когда тетушка из кафетерия спросила, что он

хочет, он просто выпалил «картофельные полоски», не подумав, а когда он заметил, было уже слишком поздно.

Выслушав нагоняй дяди Чжоу, Чжоу Лэ поехал домой.

Было уже больше десяти, и вокруг было тихо. Последние несколько дней он возвращался домой поздно, изнуряя себя, и все равно не мог заснуть, не в силах перестать думать о том поцелуе в кино.

Даже сейчас, одно воспоминание об этом заставляло его сердце биться чаще и гореть.

Так староста класса... действительно любил его?

Его чувства не ошиблись.

Но...

Внезапно зазвонил его телефон.

Чжоу Лэ остановил мотоцикл и достал телефон — это звонил Лу Цзинжань.

Его сердце забилося неудержимо.

Староста класса... в такой час?

Некоторое время глядя на экран, Чжоу Лэ закусил губу и ответил.

В этот час на улице было еще очень холодно, но его сердце согревалось.

«Алло, это Чжоу Лэ? Это Шэнь Цянь».

«...О, — голос Чжоу Лэ понизился. — Это ты».

«Тебе что-нибудь нужно?»

На заднем плане он едва различил голос: «Ты позвонил ему?»

Это был голос Лу Цзинжана.

Чжоу Лэ крепче сжал телефонную трубку.

«Что мне еще делать? Твои феромоны вот-вот выйдут из-под контроля. Ты хочешь оказаться в отделении неотложной помощи?» — спросил Шэнь Цянь.

Тревога Чжоу Лэ усилилась. «Феромоны? Скорая помощь? Что случилось со старостой?»

Шэнь Цянь не ответил. Послышался какой-то шум, и после паузы он сказал: «Ты поговори с ним. Я выхожу из машины. Вам двоим стоит хорошенько поговорить».

После еще одного небольшого шума линия затихла.

Долгое время не было слышно ни звука.

Чжоу Лэ держал телефон на расстоянии, чтобы проверить, есть ли соединение.

«Алло? Староста класса? Ты меня слышишь?» Чжоу Лэ припарковал свой велосипед на обочине дороги, беспокойно топая на месте. «Скажи что-нибудь, Лу Цзинжань! Ты в порядке?»

На другом конце провода, услышав явно обеспокоенный голос Чжоу Лэ, напряженное выражение лица Лу Цзинжана смягчилось, а взгляд стал мягче.

«Ничего страшного, просто немного переборщил с алкоголем. Феромонная нестабильность — это нормально», — спокойно объяснил Лу Цзинжань.

Ресницы Чжоу Лэ слегка приподнялись.

Даже по телефону он мог сказать, что голос Лу Цзинжана был хриплым, как будто ему было трудно даже говорить.

Ему было очень неудобно.

Представив себе измученное, обеспокоенное лицо Лу Цзинжана, Чжоу Лэ ощутил укол дискомфорта.

«Почему ты пил?» — спросил Чжоу Лэ и замолчал.

На другом конце провода тоже стало тихо.

Через некоторое время он услышал хриплый голос Лу Цзинжана: «Потому что я совершил

ошибку».

«...»

Чжоу Лэ не ответил.

В голове Лу Цзинжана всплыло лицо Чжоу Лэ. «Я думал, что нравлюсь ему. Но оказалось, что я ошибался».

Может, он действительно был пьян. Слова Лу Цзинжана звучали медленно, и в его тихом голосе звучала затаенная нежность.

«Я хотел извиниться перед ним, но не смог. Потому что симпатия к нему была настоящей. Симпатия к нему без его разрешения тоже была настоящей».

Чжоу Лэ крепко сжал телефон, кончики его пальцев побелели.

«Чжоу Лэ».

«Прости, что напугал тебя».

<http://bllate.org/book/14560/1289928>